

Карнавал начинается взрывом О ФИЛЬМЕ «В СУББОТУ»

Андрей Плахов

ЭТА УДИВИТЕЛЬНАЯ кинолента продолжает линию классических работ Александра Миндадзе и Вадима Абдрашитова, прежде всего таких, как «Остановился поезд» и «Армавир». С чуткостью сейсмометра эти авторы улавливали подземные толчки, грозившие разрушить систему. Они сигнализировали, что поезд находится в аварийном состоянии, что советский «Титаник» — или назовите его «Адмирал Нахимов» — непоправимо идет ко дну. В новой картине, написанной и снятой Александром Миндадзе уже совершенно самостоятельно, катастрофа не метафорична, а реальна: речь идет о Чернобыле, который не прикрыт никаким псевдонимом. Но из подлинной истории вырастает очень личное, эмоциональное высказывание о людях на грани, об игре без правил, о гримасах рока, о карнавале на фоне взрыва. Главный герой — провинциальный функционер, инструктор горкома Валерка (неожиданный в этой роли Антон Шагин), в меру циничный, даже наверняка подленький, типичный выкормыш системы. Но поскольку он находится лишь в самом начале партийной карьеры, гниль еще не проникла глубоко и не разрушила его. С одной стороны — случайно, с другой — благодаря близости к власти он оказывается приобщен к «государственной тайне»: становится свидетелем панического разговора в кабинете начальства о том, что горит реактор на атомной станции. А потом перед его носом захлопывается дверь секретарского рафика, и раздается окрик удивленного партийного начальника «ку-у-у-да?».

Оставшись наедине со страшным секретом, юный аппаратчик пытается бежать из города, прихватив с собой подружку Веру из общежития (отличный дебют Светланы Смирновой-Марцинкевич), которую он и подругой-то настоящей не считал, не видя в ней партнершу для карьерного рывка. С этого момента не герой направляет ход событий, а сам вместе со взбалмошной Верой оказывается захвачен каким-то вихрем. Вместо вокзала он попадает на разлульную свадьбу, еще не знающую, что она фактически превратилась в похороны, со слетевшимися на «халтурку» лабухами и пьяной беременной невестой... В итоге герои попадают в самый эпицентр катастрофы, которая становится их судьбой. Валерка хохочет, напивается, дерется и, кажется, полностью выпадает из реальности. Удивительным образом в этом своем гибельном безумии и восторге горе-герой превращается в героя настоящего. Фактически он жертвует собой — не ради спасения реактора, не для того, чтобы защитить престиж страны, а потому, что в смерти можно острее почувствовать себя живым. В этом — взгляд создателя фильма на советскую историю, да и на современность тоже. Обычная жизнь в России (Украина не Россия, но в данном случае все равно) не представляет ценности, она опускает человека, заставляет его подличать и унижаться. Он, кажется, охотно это делает, но втайне мечтает о войне, о катастрофе: только в ее горниле он может внутренне очиститься, стать тем, кем никогда не станет в тусклой обыденности, — человеком-героем, человеком-мифом: Чапаевым, Корчагиным, Матросовым.

Это для него единственный шанс парадоксальным образом сразу выразить и лояльность системе, и конфронтацию с ней. Хотя катализатором событий волей-неволей становится женщина, в центре фильма — фатальная мужская общность полугероев-полуразгильдяев, никогда не выходящих из полувоенного состояния. Герои Миндадзе всегда готовы к экстремальной ситуации и не только не боятся сопутствующих ей хаоса и абсурда, но, наоборот, расцветают в этой атмосфере, проявляют себя как широкие, почти былинные натуры. Они будто только и ждут экстрима, потому что в обычной жизни их мужское эго задавлено рутинной, бытом, конформизмом. Конечно, режиссер относится к особенностям нашего национального характера не совсем однозначно: они его и возмущают, и восхищают. Да, мы такие, но смотрите, мы продолжаем жить даже как будто бы после смерти. Интонация его «патриотических фильмов-катастроф» — трагический оптимизм. В отличие от жестко выстроенных картин абдрашитовского периода здесь действие движется не характерами и обстоятельствами, а ситуациями и типичными для Миндадзе словесными порывами, похожими на поэзию и молитву. Эти чувственные порывы адекватно ухвачены румынским оператором Олегом Муту — и все это вместе придает картине современный стиль. Камера буквально бежит по ногам Валерки, и этот бег все же превращается в метафору: мы чувствуем судорожное дыхание эпохи, которая вот-вот должна завершиться — то ли взрывом, то ли карнавалом. Но остановиться не может — и несется, несется неумолимо к своему концу.